Феминистский художественный проект «Пещера Золотой Розы»

25-го мая в Closer Art Center (ул. Нижнеюрковская, 31) в 19:00 состоится открытие выставки «Пещера Золотой Розы».

Между Пространствами Истории Феминистского искусства, Сказки, Феминистских дискурсов, Историй для Выживания Земли — Пещера Золотой Розы.

Сказочный путь следования вместе с детским художественным телесериалом, построенным на народной сказке о принцессе, которая успешно выдавала себя за рыцаря-мужчину, не является не проблематичным — напротив, он явно взывает к критическому прочтению, как нарратив, скорее, исключающий многое для утверждения определенного, будучи более путём антропоморфизма и антропоцентризма, чем их преодоления. Но именно эта странная, с трудом работающая и «далёкая» форма привлекает нас возможностью утвердить любовь к рассказыванию историй, что вбирает любовь к письму и любовь к голосу, которым сказка произносится вслух, любовь к страстным голосам других женщин (не-мужчин), вживляющим в говоримое жизнь, и к звуку собственного голоса, эротическому удовольствию самокасания и переживания самой себя.

Она привлекает нас и как форма проявления незначительного, маленького, несущественного — медиум детей и женщин и всех тех, кто делит с ними их затемнённые невидимые пространства. Она привлекает нас также и как форма реализации радости и насыщенной сопричастности к тем типам удовольствия, что объединяют многих собирающихся на стороне неразличимости. Стороне, где понятие, начав свою победоносную работу по исключению всего тёмного, вредного, фантастического, чувственного, материнского, женского не даёт ничему не названному им, не поименованному и не сосчитанному, не капитализированному, не даёт ничему из этого не только «быть», но и «не быть» так, чтобы это было «законным». Это «не быть» всякий раз исключается, какой бы возбуждённостью оно не сияло, в особенности потому, что сияет оно возмутительной возбужденностью «elvish, and girlish, and sparkling».

История феминистского искусства сияла слизистой кровью (самоповреждения, боли и удовольствия, сукровицей ран в сражениях за включение, признание, переопределение), не боясь быть безумной в Газовом свете Их вытесняющего всё неясное и неподконтрольное своим территориям взгляда на территории иные, далёкие. Она агрессивно-эстетически сияла желанием письма своей Истории, красоты вагинальных текучих морфо-логических форм, длинных, с трудом поддающимися прочтению последовательностей имён, что никогда не будут выучены и произнесены столь же ясно, как Их имена, она скрывалась под покровом незначительности мест и медиумов.

Феминистские теории кровоточили тоже, мысля свои нули и Их такие единицы, свои места, трещины, стираемые в единстве понятия, своё становление, порождение, рождение. Вынашивая способы включения в знание всего того, что из него исключено: человеческой и нечеловеческих телесностей, эротической иронической запутанности, экономических сделок над женскими субъектами и телами с передачей ключей от дочерей в целях социального подчинения, пересечения властных насечек на их подчинённых гендеризированных телах.

Сознавая частичность позиции знания и его принципиальную неполноту, ситуационность, влекущие этим ответственность и связываемость с позициями другими. Утверждая самостоятельное значение материи, не нуждающейся в адвокации разума, и значение её множественных сил, могущих быть источниками аффективного знания. Находя познание,

скорее, чувствительностью к тому, что значимо, чем мышлением в гуманистическом смысле. Удерживая в одной руке различие, а в другой — необходимость его преодоления. Обогащая, обучая и подстрекая Их теории. Выписывая кружевные поля переходов и брожений личных политик, безличных политик слабой различимости, политик признания и политик бытия-с. Страстно желая быть плодотворно экологически взаимосплетёнными вместе с реальными политиками, спекулятивными политиками, искусствами наших жизней и жизней всех тех, кто являются живыми, потому что ведут себя как живые, вне зависимости от того воплощены они в пластике, мороженом, тканях человеческого тела, теле сказочного мотылька.

Теперь же в Пещере, где мужчины так долго должны были лишь удрученно слушать, как они говорят одно и то же, скованные мешающими им повернуться цепями, есть все виды движений и перемещений, все виды вещей уже происходят — это не просто гипнотическое зрелище. «То, что я вижу на стене — это тени, жидкость, подвижность, дрожь. Неверно говорить, что реальность за пределами пещеры, ждёт меня там, ждёт моего истинного видения. Реальность буквально повсюду на мне — в поту от тепла, в танцующих тенях».

Пещера, ранее бывшая изображением чего-то всегда уже наличного, изначальной матрицы/матки, которая была непредставимой для её узников, теперь гостеприимна без того, чтобы быть уже-данной, «через важную практику, посредством которой возможна артикуляция других отношений между я и другой, другим». Пещера даёт место месту, остроумно и изобретательно, с любопытством вступая (или не вступая) во взаимную динамику, где материя и смысл артикулируются сообща, где иные мечты под видом теорий, имея наглость не знать границ, становятся научными, не скрывая своего обмана, желания извлечь выгоду наделенности существованием и дружелюбия к ошибкам.

Выставка «Пещера Золотой Розы»: 25.05.2019 — 15.06.2019, Киев, Closer Art Center, ул. Нижнеюрковская, 31

Участницы выставки: Ульяна Быченкова, Вішня Вішня, Марина Габа, Юли Голуб, Жанна Долгова, Дана Кавелина, Инна Краснопер, Валентина Петрова, Lisa Hoffmann, Анна Щербина, Татьяна Эфрусси

Кураторский коллектив: Ульяна Быченкова, Жанна Долгова, Валентина Петрова, Анна Щербина

Архитекторка выставки: Алиса Омельченко